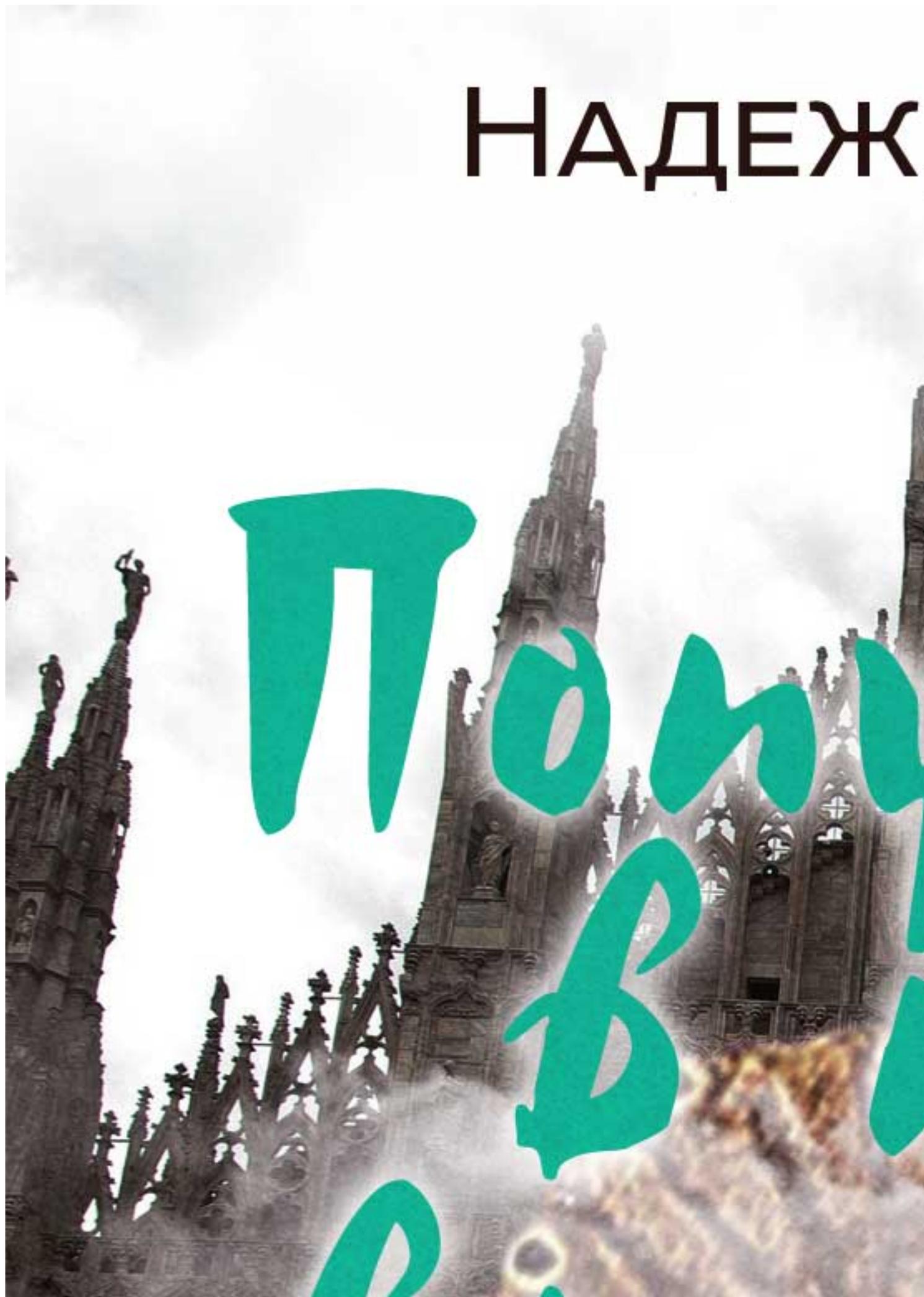

НАДЕЖ

Помощь

Надежда Лиманская

Попутчица в пятое время года

«ИП Стрельбицкий»

Лиманская Н.

Попутчица в пятое время года / Н. Лиманская — «ИП Стрельбицкий»,

Дело на первый взгляд весьма простое. Молодая жена бизнесмена убивает своего мужа, заподозрив в измене, затем подругу и бежит из города вместе с годовалым сыном. Руслану, жену того самого убитого бизнесмена с сыном, начинают разыскивать. И не только полиция. Но чем больше собирает информации знаменитый сыщик, владелец детективного агентства, к которому обратился один из преданных друзей Русланы, тем запутаннее представляется дело. Оказывается, врагов у семьи Русланы - дочери знаменитого профессора Богатырёва, не счесть. При странных обстоятельствах погибают отец и мать Русланы. Сыщик устанавливает: протокол с места автокатастрофы родителей Русланы тщательно кем-то переписан. Вскоре погибает и брат Русланы от передозировки наркотиков, хотя наркоманом не был. Убийство мужа Русланы - Никиты и её лучшей подружки Алисы – преступление на первый взгляд безупречно. Если не считать того факта, установленного сыщиком, - в Алису стреляли из другого оружия. Дмитрию внезапно назначает встречу муж убитой Алисы – Всеволод. Затем его труп сыщик находит в собственной квартире. Дмитрию едва удаётся скрыться от полиции. И теперь приходится вступать в очередную, опасную игру с законом, ведь на самом деле за «рядовым» убийством скрывается более масштабная хитроумная комбинация. В ходе своего неофициального расследования, он узнаёт о существовании некоего таинственного человека. Он словно появляется ниоткуда. Его действия жестоки и не предсказуемы. Дмитрий понимает, чем ближе он подберётся к этому человеку, тем стремительнее развернутся события, а значит, жизнь Русланы и её маленького сына будет спасена...

© Лиманская Н.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Надежда Лиманская

Попутчица в пятое время года

То, что среди людей принято называть волей, – не более чем упорство и твёрдость характера... Я пошёл туда...никого не нашёл... Поскольку я не знал дороги, пришлось сесть на землю и ждать... Карлос Кастанеда. (Отдельная реальность.1964 год.)

Глава 1

За тусклыми, невымытыми стёклами вагона проносятся дикие, заброшенные, и всё же, величественные пейзажи, казалось, безграничной тайги. Создавая контраст между небом и землёй, чья-то сильная рука вселенского художника мощно, одним махом, на ярко-розовом фоне очертила границу между чёрными сопками и заходящим куда-то за горизонт, зимним холодным солнцем. Утонувшие в холодных, тёмных сумерках деревья, беспорядочно гнутся под напором обезумевшего февральского ветра. Столетние же кедры и сосны, как мудрые предки, повидавшие немало на своём веку, стоят монументально, лишь изредка, снисходительно дают потрепать свои вечно зелёные мохнатые ветви бушующему хулигану – ветру.

Из щелей старого обветшалого вагонного окна сквозит морозом. Однако стужа проникает в купе не только из него. Безжалостный холод находит лазейки всюду. Старый состав пассажирского поезда знавал времена и погоды куда серьёзнее. Об этом кричат закопчённые панели вагонов, треснутые стёкла окон с окаменевшей между рам, грязью. Старый поезд пляшет и трясётся так, что невозможно пройти по коридору вагона, – пассажиров бросает из стороны в сторону. Холод, грязь, тоска и тревога...

Она достаёт с верхней полки грубое синее одеяло, пахнущее чем-то затхлым, прелым, и подтыкает окно. Затем бросает озабоченный взгляд на соседнюю нижнюю полку, где безмятежно, укутанный пуховым платком и, укрытый всем, чем только ей удалось придумать: своей дорогой шубкой, шарфом, одеялами, – спит годовалый сынишка. Мельком взглядывает в окно, зябко передёрнув плечами, мостится рядом с ребёнком, осторожно отодвинув его ближе к стене. В любую минуту сюда, в это купе могут войти пассажиры. А у неё – лишь одно место, один билет. Хорошо, удалось наскрести хотя бы на один. Один на двоих. На неё – бывшую подругу, бывшую жену. Бывшую. И на него, – единственного, самого дорого на всём свете существа, – сына, что крепко спит. Для него она не бывшая. Для него, как раз она самая настоящая, любящая и заботливая. Разглядывая ребёнка, чуть прижимает его своим телом, но так, чтобы тому было тепло и безопасно. Она немного подтягивается вверх. Опять очень осторожно, так, чтобы её голова могла прикрыть его, светлую головку, закрыв от окна. Тревожно и нежно смотрит на ребёнка. Тот сладко причмокивает во сне розовыми, пухлыми губками. Ну, вот, милый, всё позади! Только ты, да я! И никто нам не нужен, сами справимся! Женщина прикрывает веки. «Что? Что дальше? Деньги! – Трогает мочку уха. – Заложу серьги – раз, обручальное кольцо – так. Что ещё? Ах, да, золотые часики, ещё цепочка. Дать телеграмму подруге?! Какой подруге? Что это я? Нет, не станет он искать её у подруг! Господи! Да никто не будет искать, никто не хватится! Нет у неё больше подруг. Все они на его стороне! Лучшая подруга – любовница мужа! Банально, стыдно. Тяжело до невозможности! Сердце рвётся на части. Обидно и мерзко не только за него, которого любила

больше всех на свете, бесконечно доверяла, – мерзко за себя! Слепая, глупая курица! Вот, кто ты есть! Курица?

Ну, это мы ещё посмотрим! Ей казалось в эту минуту, – многие с облегчением вздохнут, что нет её больше в том городе. Растворилась. Он, этот город остался где-то там, не так ещё далеко, но всё же, – позади. А прокопчённый поезд несётся, сейчас так кажется, всё равно, – куда, стремительно сокращая или наоборот, увеличивая дистанцию между прежней и новой жизнью. Ночной состав мчится по знакомой ему колее, лязгая и посвистывая, будто от холода, сквозь стылую зимнюю мглу. Его дальний путь, как в былые времена, сопровождает верная прислуга, – сумасшедшая какофония, сотканная из дружного стука, заплывших мазутом, колёс, грохота и скрежета вагонов, давно отработавших свой срок, повывавших всякое на своём веку.

Она плотнее сжала веки. Монотонный звук становится слабее. Всё глубже растворяется в толще перины, накрывшей её тёплой мягкой волной. Ещё немного, она погружается в короткий и тревожный сон.

Что-то клацнуло, ударилось в дверь, она вздрогнула, приподняла голову. В купе, бесцеремонно громко разговаривая, вошли два молодых человека. Она неприязненно взглянула на них, даже попыталась рассмотреть лица. Мужчины были немногим старше её. Оба высокого роста, крепкие, одеты тепло, дорого и очень стильно. Взгляд остановился на внешности одного из них. Он вёл себя спокойно, периодически делал замечания второму приятным тихим баритоном, да и выглядел более интеллигентно. Длинные тёмные волосы, аккуратно убранные в хвост, открытое, правильных черт лицо, – она непроизвольно отметила это про себя и немного успокоилась. Его спутник встревожил её: лицо равнодушное, отстранённое, глаза холодные, колючие, – показалось, он был не совсем трезв. Она не ошиблась. Со стуком, бросив дорожную сумку на верхнюю полку, тот, другой не обратил никакого внимания на нижнюю полку, где спал её малыш.

Завалившись на полку напротив, чуть заплетающимся языком стал горячо вслух обсуждать план на вечер. При этом восхищённо живописал внешность девушек-пассажирок, ехавших в другом вагоне. Она поняла из разговора, – с ними успел познакомиться прямо на платформе. Возбуждённо, очень цинично и грубо стал излагать собственные планы в отношении этих самых девушек-подруг.

Услышав непристойные слова, женщина не выдержала, поднялась и взглянула тому, что был, не совсем трезв, в глаза.

– Фь – ю – ю – ить! – Присвистнул подвыпивший демонстративно разглядывая её всю с ног до головы. – Вот это, да! Не думал, что в таких дырах обитают вот такие нимфы! – Продолжая наклонять голову, вызывающе разглядывать попутчицу.

– Не ори! Ребёнка разбудишь! – Услышала возмущённый шёпот. Затем, более мягкое: – Михаил! – Представился тот, который больше молчал, и лишь изредка пытался урезонить не в меру распоясавшегося товарища. Извиняясь за его поведение, добавил: – Не обижайтесь! Это он от радости, что домой, наконец! Кончились наши мытарства, – командировка на краю света!

– Я и не думала на вас обижаться! Хотя, вы мне чуть не разбудили ребёнка, а так, какие обиды...

– Вот это я понимаю! – Подхватил «первый». И она только сейчас заметила, что парень не просто выпивший, а изрядно навеселе. – А как насчёт знакомства? Извините, не представился! Андрей! Можно просто, Андре! Ну, так, как? Выпьем за знакомство? – Затем пьяно улыбнулся и язвительно произнёс: – Глянь, Мишель! И топать никуда не надо! – Услышав этот развязный тон, почувствовала: с таким соседством впереди её ждут другие, вероятно, более крупные неприятности. Женщина напряглась.

Михаил же выразительно посмотрел на своего друга и, ничего не сказав, отвернулся к окну. «Андре» потянулся за сумкой. То ли сумка была небрежно пристроена на полке, то ли её хозяин был неловок из-за своего неадекватного состояния, – посыпались консервы, пакеты с едой, какие-то вещи. Ребёнок проснулся и заплакал. Женщина пыталась успокоить малыша. Тот не унимался, пришлось взять его на руки, прижать к себе, успокаивая. – Ну, прости, прости, милый! – Заплетающимся языком извинялся «Андре». Пьяно подмигивая ребёнку, стал доставать из пакетов еду. Тушка курицы с золотистой кожицей не легла, а шмякнулась, вырвавшись из нетрезвых рук прямо на стол, первой. Затем градом попадали апельсины, яблоки, батон сырокопчёной колбасы, консервы с икрой, крабами. Часть продуктов оказалась на полу. Малыш засмеялся и потянулся за яблоком. – Вот это я понимаю! – Снова весело повторил, словно попугай, Андре. – Наш человек!

Она внезапно подумала: «Андре», видимо, не жадный и неплохой человек в жизни. Но нынешнее его состояние, кроме неприязни и омерзения, не вызывало у неё никаких других чувств. Слегка потеряв яблоко о дорогие, утеплённые джинсы, протянул ребёнку. Женщина, перехватив яблоко, вернула на место.

– Вот, значит, как? Брезгуем, что ли? Я не понял! – Обиделся «Андре».

Только сейчас она вдруг отчётливо почувствовала страшный голод. Она забыла о еде с тех самых пор, как... «Боже мой, сколько же прошло времени? Быстрые, на скорую руку, сборы, затем вокзал. Первый попавшийся поезд. На самолёте не полетела. Во-первых, не хватало денег, во-вторых, ей глупышке, почему-то казалось, что он рванёт за ней в аэропорт... Да, пошли вторые сутки». – При виде такого количества еды закружилась голова. С силой потёрла висок.

– Вам плохо? – Спросил Михаил, озабоченно глядя ей в лицо. – Сейчас, сейчас, где-то вода была! – Засуетился мужчина. – М – м, как вас звать? Мне же надо как-то вас называть! Вам не кажется?

Она вдруг почувствовала себя совсем беспомощной и, поддавшись его напору, ответила:

– Да-да, конечно, вы представились, а я – нет! Руся! – закусила губу. – Руслана!

– Руслана, значит? Красивое имя! – Затем, ни с того, ни с сего хмыкнул «Андре»: – Это, вроде той, что в кожаном костюме на Евровидении плясала, год не помню, какой, и кричала: «Гей – гей!» Она? Да? А ты так сможешь?

Михаил покосился на «Андре». Его «товарищ», кажется, окончательно пошёл вразнос.

– Прекрати, Андрей! – Строго произнёс Михаил. Но тот, делая вид, что не слышит, продолжал:

– Нет, ты сможешь? Р-у-у сс-ла-а-на-а! И волосы у тебя, как у неё, красивые! – Продолжал куражиться тот. – Какая вода, Мишель?! Водки даме налей! Налей, говорю! И мне налей!

– Сядь, Андрей, успокойся и заткнись! – Почти крикнул Михаил, затем обратился к женщине. – У вас что-то случилось, да?

– Мишель, у меня ведь и коньяк есть! А? По глоточку! – Никак не успокаивался Андрей.

– Да замолчи ты! – Снова повысил голос Михаил. Затем, чуть подумал и спросил. – Может, и правда? Глоток не помешает! Я как врач, советую!

– Нет-нет! – Возмутилась Руся. – Я не пью! – Глаза предательски, голодно стрельнули на стол.

Взгляд Михаила коротко, невзначай, но пристально, скользнул по лицу молодой женщины. Бледный свет купе буквально, какую-то долю секунды, сверкнул, прошёлся по дорогим украшениям женщины. Михаил вопросительно снова взглянул на попутчицу. Та, опустив глаза, укачивала ребёнка. – Поня – я – тно! – Чуть протянул он, не обращая больше никакого внимания на «Андре». – Ну, с вами всё ясно! А малыш давно ел? Или как вы?

Он заметил, лицо Русланы залила пунцовая краска. Она была очень благодарна «Андре» в эту секунду, что тот не стал предаваться нетрезвым комментариям на этот счёт, и вообще, сидел тихо, умолкнув. Руся покосилась в его сторону. Тот, к её большому изумлению и радости, прислонясь к панели купе, и, запрокинув голову набок, полулежал с закрытыми глазами.

– Ну, вот, – кивнула она в его сторону, – утомился ваш товарищ!

– Да и, слава богу! – Коротко глянул на него Михаил. – Парень он неплохой, вы не думайте! Но как выпьет! – Оправдывался мужчина.

– Мне, вообще, нет никакого дела... Абсолютно всё равно! Если бы не ребёнок...

– Вот именно! А вы говорите! Руслана, теперь мы с вами соседи, ехать придётся, что называется, бок – о – бок! Давайте, воспользуемся моментом! Андрей будет спать часа два, не меньше!

Ребёнок снова заплакал.

– Надо покормить малыша, иначе не заснёт! Да и вам следует подкрепиться! – Воскликнул Михаил. – Давайте, я помогу!

Руслана благодарно взглянула на мужчину. Их глаза встретились. Сейчас он окончательно рассмотрел её. А её глаза. Они поразили больше всего: бездонные, зелёно-карие, обрамлённые тёмными густыми ресницами. Что-то безутешно металось в них, словно у загнанного оленёнка. В них, как ему показалось, глубоко поселилась тревога и ещё что-то, – не мог понять. Скорее всего – грусть и усталость.

– Подержите Глеба, пожалуйста! – Прервала его мысли женщина. – Я сейчас! Я быстро! – Торопилась Руся, доставая из сумки малышевские принадлежности. Керамическую разноцветную мисочку на «липучках» и такую же кружечку, похожую чем-то на маленькую леечку, чтобы малышу было удобнее пить. Затем детские вещи. Она, в очередной раз, встретив его взгляд, смутилась. Он отвернулся. Михаил был очень далёк от всего этого, дети его не интересовали. У него, как ему казалось, всё было далеко впереди, всё по плану: аспирантура, престижная должность в клинике отца, женитьба, дети! Да что говорить, он был молод, полон сил и, честно признаться, не нашлась ещё такая девушка, которая смогла бы надолго заморочить ему голову. Или, как грубо выражался Андре, «поймать на пузо». И вот сейчас он держал в руках чужого ребёнка. Глядя на него, что-то внутри Михаила, – молодого повесы, как называл его отец, – завибрировало, разлилось теплом, мощно отозвалось мужским, отеческим импульсом – защищать и заботиться.

Малыш с улыбкой смотрел на него, показывая молочные зубки, пальчиком касался его носа. Михаил безотчётно прижал ребёнка к себе. От малыша пахло чем-то нежным, тёплым, молочным, очень чистым и уютным.

– Иди ко мне, Глебушка! – Протянула руки Руслана. Звонко смеясь, ребёнок отказался идти к ней. Он периодически, оборачиваясь к матери, обхватывал голову Михаила пухлыми ручонками, которые выглядывали из пушистых рукавов голубой тёплой кофты. Звонко смеялся, вовлекая всех троих в какую-то свою игру. Михаил, смеясь и крепко удерживая малыша, стал играть с ним, делая вид, будто вместе прячутся от матери. Глядя на них обоих, особенно на неуклюжесть Михаила, Руся не выдержала, рассмеялась. Когда ребёнок поел и снова уснул, Михаил предложил ей тоже немного перекусить. Кое-как пристроив товарища в горизонтальное положение, но так, чтобы можно было присесть самому, стал открывать консервы и выкладывать содержимое в пластиковые тарелочки. К удивлению обоих, наконец, в купе заглянула проводница и предложила чай. Затем, улыбаясь Михаилу и, демонстрируя почти беззубый, накрашенный яркой помадой рот, доброжелательно сообщила:

– Через несколько минут откроется вагон-ресторан, если, конечно, захочите чего-нибудь крепче чая! Всё для вас, всё к вашим услугам, дорогие пассажиры!

– Спасибо вам, добрая женщина, вы так заботливы! Благодарим за предложение, у нас всё есть! – Бодро отозвался Михаил.

Когда проводница, скорчив обиженную мину, уже закрывала за собой дверь, Руся с Михаилом переглянулись, не выдержали, прыснули от смеха.

– Может, всё же немного коньяку, а, Руся? Потом вы мне расскажете о себе, вижу ведь, что-то стряслось! И ещё, глядя на вас, – ещё раз выразительно прошёлся взглядом по её украшениям и одежде, – никогда бы не подумал, что такие женщины ездят в таких вот поездах! Ладно, мы с другом, так сложилось! Как вас-то угораздило? Вы...

– У меня тоже так сложилось! – Она задумалась и отвернулась. – Кстати, – произнесла вскорее, – «такие»! Что значит, – «такие»?

«Ну, вот, – с досадой подумал Михаил, – идиот я, всё испортил! Язык мой, враг мой!».

– Что значит? – переспросил он. – Красивая, состоятельная... Маленький ребёнок. Бизнесом не занимаетесь! Значит! Отец? Муж? А что закончили? Какой вуз?

– Закончила. – Опустив намеренно «отец», «муж». – Да, вы правы! К тому же, с красным дипломом. И состоятельная, – снова вспомнила ту сцену, когда..., – вернее, совсем недавно была ею...

– Ну, и ничего, не надо грустить! – Михаил не стал настаивать. – Всё наладится, так всегда бывает. Всё, казалось бы, хорошо, потом бац – неприятности! А дальше – лучше, всё лучше...! Во всяком случае, неприятности долго продолжаться не могут! Проверено! Надо очень в это верить и надеяться!

Он произнёс это так горячо, с такой убеждённостью, будто то же самое хотел внушить и себе самому. Ей показалось – его глаза зажглись, он вопросительно посмотрел на неё.

– Прозвучало здорово, даже оптимистично, но не для меня ваша формула! – Как от озноба дёрнула плечом Руслана.

– Так! Проехали! А давайте на «ты», так проще общаться! И давайте всё же, что-нибудь съедим, а то я грохнусь здесь и сейчас прямо перед вами в голодный обморок! – Мягко произнёс, открыто улыбнулся попутчик. Затем поставил перед ней пластиковую одноразовую тарелку, наполненную едой.

– От коньяку отказываешься, как я понял? Ну и я не буду! Тогда придётся идти за чаем!

– Вашему другу с утра, ох, как, кстати, будет ваш, – она покраснела, – этот твой коньяк!

Они снова улыбнулись друг другу.

– Нет, – ответил он ей твёрдо, – мой друг ничего такого больше не получит ни с утра, ни с обеда!

Ужинать закончился в молчании. Веки стали тяжелеть, перед глазами всё поплыло. Мерный стук колёс снова отдавался в висках. Михаил тактично произнёс:

– Пора на покой, денёк выдался, – кивнул при этом на спящего Андрея, – прямо скажем, не из лёгких!

Очень тихо, собрав остатки еды в пакет, чтобы выбросить, Михаил вышел из купе. Руся осторожно легла рядом с сыном, положив, голову на согнутую в локте, руку. Вагон раскачивало от набравшего скорость поезда, он грохотал всеми составляющими.

А ей было не страшно. Уже не страшно.

Она внезапно проснулась от какого-то странного шума. Две мужские фигуры, – она с трудом, ещё сонная, распознала в них своих попутчиков, – схватив друг друга «за грудки», боролись. На фоне зеркала купе, отражавшего голубоватый ночной свет, падающий из окна, Руся видела, как метались два тёмных силуэта. Отдавая преимущество в молчаливой схватке попеременно один другому, сопели и стонали. Она вжалась как можно сильнее в стенку купе, при этом очень осторожно, но плотно, накрыла ребёнка своим телом.

– Не смей, идиот, слышишь? – грозно шептал Михаил. – Твоих выкрутасов с меня хватит! Я ещё не забыл все твои подвиги в экспедиции!

Тут Михаил схватил противника за горло.

– Ну, всё, всё! Брэйк! – Прошептал Андрей, задыхаясь, и ухватил душившие его руки.

– Подумаешь, барышня нашлась! Кто она такая, – кивнул в сторону женщины, – знаешь? Нет! А чего печёшься о ней? Первым хочешь быть? Ну, так бы и сказал! Я не брезгливый!

– Заткнись, я сказал! Разбудишь! – Прошипел Михаил. – У тебя явно что-то с башкой! Или это следствие твоих ежедневных пьянок ещё там, в тайге?!

– Не напоминай лучше! – жарким шёпотом возразил он. – Нашёл, чем попрекать больного человека! Плохо мне, понимаешь?! Тоска эта, мороз этот! Холод собачий! Ни тёлок толком, ни кабаков! На фиг бы мне это, а? А всё папаша, как заводной! Давай, мол, с Мишкой, в экспедицию, мужиком, а может, и человеком станешь!

Руслане слышались в голосе взрослого мужчины обида и слёзы. Затем соседи успокоились. Старались говорить очень тихо. А она продолжала лежать, по-прежнему вжавшись, боясь шевельнуться, затаила дыхание!

– Слышь, Мишель? Где-то там у нас было? Я много водяры набрал!

– Ничего не получишь! Спать ложись! – Жёстко, грозным шёпотом произнёс Михаил.

– Ладно, друг! Поговорили! – Тоном капризного ребёнка ответил тот. Затем встал и дёрнул за ручку.

– Не дури, Андрей! Как маленький, ей-богу! Куда собрался?

– Здесь не наливают, ё-моё, поищем места другие, где люди сговорчивее!

– Ну, смотри, предупреждаю, я тебе не нянька!

Андрей вышел, плотно закрыв за собой грязную, полуразбитую купейную дверь. Руся снова закрыла глаза, немного расслабилась, вытянула ноги, отодвинулась, освободив немного простору сынишке. Затем услышала, как встал Михаил, глубоко вздохнув, вышел следом. Сон, как говаривала когда-то её бабушка, словно рукой сняло. Она привсталала, сунула руку в сумку, чтобы достать сотовый, – просмотреть сообщения и узнать который сейчас час. Вспомнила, оставила дома. «Дома! Да был ли тот, построенный её мужем, Никитой, такой огромный, роскошный дом, настоящим, именно её домом?». Поднесла руку к окну, чтобы рассмотреть, который час. Миниатюрные золотые часики, – торопливые стрелки циферблата – подарок мужа за рождение сына, – показывали три часа ночи.

Ночь. От человеческого дыхания воздух в купе значительно согрелся, стало даже немного душно. Она осторожно приоткрыла дверь. Посмотрев на спящего ребёнка, выглянула в коридор вагона. Ни души. Стала раздумывать: ничего, если покинуть купе всего на минутку, чтобы пройти в конец вагона и привести, наконец, себя в порядок. Стараясь не шуметь, прикрыла за собой дверь, предварительно захватив небольшую сумку, – что-то вроде большой косметички, – с гигиеническими, так необходимыми женщине всегда и везде, принадлежностями. Опрометью бросилась в то самое, в конце коридора, помещение. Стараясь не дышать, и ни к чему не прикасаться, подставила под кран руки, стряхнула воду, провела по лицу. Посмотрелась в, казалось, никогда не выдавшее моющее средство для стёкол, тусклое зеркало. Возвращаясь в купе быстрым шагом, ей показалось, промелькнула какая-то тень, скользнувшая в противоположный тамбур. «Мерещится, бог знает, что! Вон всё из головы, надо отдохнуть! Всё потом!».

Приоткрыв купе, увидела: малыш сбросил с себя тёплые вещи, которыми был укрыт. В купе действительно было не просто тепло, – жарко. «Скоро пить попросит!» – предположила Руслана, доставая заранее приготовленные ещё в «том городе», бутылочки с водой и соком. Старалась действовать осторожно. В это время открылась купейная дверь. В проёме

показался Михаил. Вагон, стремительно ехавшего поезда, видимо на очередном повороте дёрнуло, и Русю с её бутылочками, вдруг, неожиданно швырнуло в сторону, сделавшего буквально шаг, мужчины. Она непроизвольно уткнулась ему в грудь. Свитер грубой вязки издавал приятный аромат незнакомой стойкой мужской парфюмерии. Он поймал её, ухватив за руки, затем, будто случайно, сильнее, чем того требовала ситуация, обнял за тонкую талию и задержал в руках. Она неловко освободилась. Он тоже казался смущённым. – Извините! – Произнесли одновременно и рассмеялись.

– Нашли своего друга? – стараясь делать вид, будто ничего не произошло, спросила она.

– Сидит, красавец, с проводницей пьёт!

– С той, которая «всё для вас...»?

– Точно, с ней! – Снова улыбнулся Михаил. – Извините ещё раз! Мы вас разбудили?

– Между вами что-то произошло? – Хотела услышать прямой ответ.

– Неудобно, как – то, получилось! Иногда с Андреем творятся необъяснимые вещи.

– Возомнил, видите ли, себя половым гигантом, неотразимый наш... – Уклончиво ответил Михаил.

Остаток ночи прошёл относительно спокойно. Кто-то ещё раз открывал – закрывал тарахтящую дверь купе. Проснулся малыш, тоже, всего лишь раз. И Руся, напоив ребёнка, наконец, окончательно погрузилась в глубокий сон.

Проснулась, когда с шумом распахнулись двери. В проёме увидела полную женщину лет шестидесяти с благодушным, приятным лицом. Широко улыбаясь, та поздоровалась.

Некоторое время постояла, видимо раздумывая, куда пристроить багаж: старый большой чемодан, сумку и две перевязанные коробки.

– Давайте, помогу! – Встал ей навстречу Михаил. Та обрадовано кивнула, благодарно качая головой. Руся предложила:

– Я могу взять малыша на руки. Под нашей полкой есть место!

– Не надо, Руслана, не стоит беспокоиться, я и так всё устрою! – Отозвался мужчина. Когда суета закончилась, новая соседка, присев на краешек нижней полки рядом с Михаилом, воскликнула:

– Какая красивая пара! И ребёночек у вас! Всё как у людей! – Оглядев Руслану и Михаила, вздохнув, добавила: – И материально, смотрю, тоже в порядке!

Русю немного покорибила первая фраза насчёт «красивой пары», она собралась, было возразить, но встретила глаза Михаила. Опустила глаза и занялась сыном.

Затем новая пассажирка предложила свою помощь. С удовольствием взяла малыша на руки. Тот скривил пухлые губки и собрался заплакать.

– Ну, уж, нет, Глеб! Мужчине плакать не положено! Маме тоже надо заняться собой! Сейчас мама придёт! – Михаил перехватил ребёнка у женщины. Мальчик, улыбаясь, обхватил его шею.

Руся вышла из купе и направилась в конец коридора. Осторожно ступая между испражнениями на полу туалета, вошла в помещение. Поезд по-прежнему бросало в стороны, здесь грохот был намного сильнее. Кое-как, наскоро умывшись, торопилась назад. Проходя по коридору, услышала настойчивый голос Андрея:

– Ну, ещё разок, ну, пожалуйста! Прошу тебя!

Непроизвольно повернула голову. В приоткрытую дверь соседнего купе была видна большегрудая блондинка лет тридцати с лишним. Слегка закрыв оголённым торсом, её полуобнажённую, бесцеремонно, что называется, лапал Андрей. Сцена «любви» сопровождалась соответствующей «музыкой», – звоном пустой стеклопосуды, стоящей на столике. Что-то, почувствовав, не поднимая головы, Андрей ногой стукнул в дребезжащую дверь купе, она

захлопнулась. У Руси пылали щёки. Ей стало стыдно за своё любопытство, но, кажется, никто не заметил. Когда вернулась в купе, увидела такую картину. Глеб благополучно сидел на руках Михаила и держал в пухлых розовых пальчиках пирожок. Завидев мать, улыбнулся во весь рот и потянулся к ней. Женщина по-хозяйски разложила нехитрую, но аппетитную домашнюю снедь, предложила всем:

– Ну, что? Пора завтракать? Берите, что на вас смотрит, не стесняйтесь! Вчера весь вечер пекла, жарила! К дочери еду! – Потом некстати вздохнула. Сама же, не прикасаясь к еде, подробно рассказала, о чём болела душа. Украдкой промокнув крошечным носовым платком уголки глаз, продолжила:

– Жаль, конечно, что у дочери всё вкривь и вкось пошло с самого начала. Сама всё испортила. Говорила ей, не пара он тебе! Как чувствовала. Заставила её, эта, мать его, сделать аборт. А потом – всё. Сейчас же кричит зять мой, дескать, сына хочу! Вот еду! Зовут, мол, что-то случилось там, кажется! Из пробирки, что ли! Да хоть из пробирки, ну, дай-то бог!

Руслана знала, так бывает только в дороге, когда случайные пассажиры становятся друг другу близкими людьми. На короткое время. И не стоит бояться, – никто не осудит за откровенность и искренность, не осмеёт за подробности твоей жизни, будь они банальными или пикантными, какая разница. Ты больше не встретишь их, своих попутчиков, – они исчезнут, испарятся из твоей жизни на очередной станции.

Русе вспомнилось другое путешествие. Состояние счастливого человека, находящегося в дороге. Это было, как сейчас кажется, очень давно, целую жизнь назад. Тогда в её жизни было всё и даже больше, – оплот и крепость: родной дом и семья. Папа, мама, старший брат. Вот так когда-то, тоже в поезде, ехали они всей семьёй к морю. Волнующее чувство новизны переполняло юную душу, – ожидание необычных событий впереди, на песчаном морском берегу. Оно одновременно веселило и приятно настораживало её, заставляя заходиться и трепетать нежное сердце формировавшегося подростка. Глядя в окно на мелькающие южные пейзажи, утопающие в солнечном мареве, она вспоминала лицо мальчика, с которым познакомилась тогда, прошлым летом.

Он не был похож на развязных и старающихся выглядеть взрослее, её ровесников. Он был просто старше её. Ей нравились такие ребята. Такие, как у него, коротко стриженные, только не наголо, боже упаси, – густые волосы. Мускулистая же, спортивная загорелая фигура заставляла вздыхать на пляже девушек намного старше его. Но самым большим преимуществом во всём его облике были глаза, – серые, как два отблеска стального клинка на загорелом лице, – смотрели серьёзно, умно и открыто. Она улыбалась, глядя в окно, в мыслях встречая его широкую улыбку. Его глаза. Немного насмешливые. Ещё она помнила: в его руке, везде и всюду была книга. Они оба, как выяснилось позже, оказались книжными гурманами. С этого и началась их дружба...

Глава 2

Руся очнулась, стряхнув воспоминания. В купе никого не оказалось. Глеб уснул у неё на руках, положив головку на плечо. В окне пробежали заснеженные бескрайние поля, сливаясь на горизонте с хрустально – голубым куполом зимнего холодного неба. Февральская выюга с остервенением гнула сухие кусты и усохшие стебли какого-то растения, оставшегося на полях. Осторожно держа ребёнка одной рукой, другой взбила подушку и расправила вещи вокруг, устроив его в уютном «гнездышке». На краю стола заметила стакан ещё не остывшего чая, а рядом на салфетке – бутерброд и два пирожка. Михаил постарался. Для неё. Маленький сын, наигравшись, уснул. Руся отпила глоток и собралась надкусить пирожок, как в купе тихо постучали. В проёме двери появилась всё та же, с ярко накрашенными губами проводница.

– Девушка! – По-прежнему на что-то обижаясь, слегка шепелявя, произнесла проводница. – На следующей станции, минут через сорок, будем стоять аж целый час! Не хотите малыша выгулять?

– Спасибо! Не помешало бы! – Ответила Руся и посмотрела на спящего ребёнка. – Посмотрим!

– И смотреть нечего, – обиженно и твёрдо проворчала та. – Ну, мамашки пошли! Двое суток в пути, в такой духоте и вонизме! – Затем с грохотом, которого и так хватало, будто поставив жирную точку в разговоре, грохнула за собой дверь.

«Да – а! – Про себя хмыкнула Руся. – И кто же, интересно, виноват в этом вонизме? Я? Или мой ребёнок? – Подумав немного, решила. – Хотя проводница права! Глебу надо подышать свежим воздухом! Двое суток в пути! И ни грамма воздуха! Невероятно!».

Невероятным и очевидным для неё было сейчас одно: впервые за много лет целых двое суток она без него, без Никиты, бывшего мужа и отца её долгожданного малыша. Сотни километров от любви, родной, привычной обстановки.

Просторных, стильно, со вкусом обставленных комнат, уюта и таких привычных, даже самых мелких вещей, наполнявших её прежний мир. «Надо же, твердила себе, твердила и на – тебе! Заскучала! По удобному дому, налаженной жизни? Да причём здесь барахло?!». Руслана тряхнула головой, отбрасывая навязчивые мысли. Воспоминания. Затосковала не по комфорту, вовсе нет. Скучала по мужу, по их семье... Той, которая была когда-то! Где она, та жизнь? Удобная, спокойная. Конец всему пришёл внезапно и неожиданно. Да и так ли уж, неожиданно?

Слёзы помимо её воли, застлали глаза. Когда предметы стали расплываться, одна слезинка сорвалась в стакан с чаем. Она нащупала где-то сбоку казённое, сероватое полотенце и промокнула глаза. Обида! Она стала жечь её с новой силой, вытесняя все другие чувства! «Ну, как же так? Почему именно со мной? Почему я должна бежать?». – Слёзы высохли. – «Может, стоило хоть чуточку побороться?». Строгая бабушка-сибирячка на её вопрос ответила бы так, Руся чётко представила себе:

– С ума, девка, сошла! Сопернице из-за мужика глаза выцарапывать! Он тоже не телёнок! На чужом горе счастья не построишь! Не стоит ни он, ни она того! Тем более, если всё «это» меж ними, случилось! О себе теперь думать надо!

«Думать о себе? Кто поможет? Никого рядом, ни одной родной души!» – Вздохнула Руся, вспоминая погибших родителей, брата, совсем недавно похороненную бабушку. Облокотившись о стол, вновь стала смотреть в окно. Задремала. Проснулась от толчка. Испуганно огляделась, не понимая, где она. Поезд стоял на какой-то станции. Пыталась рассмотреть название, бесполезно. «Ах, да! – Вспомнила Руся, – проводница говорила!

Следующая станция! Целый час!».

– Как? Вы ещё здесь? – Взволнованно спросил Михаил, врываясь в купе. – Давай, помогу!

Завидев Михаила, розовые губки Глеба растянулись в улыбке.

– На воздух, на воздух! – Весело пропел Михаил. – Иди, иди, Глеб ко мне, дадим маме одеться! Скорее!

Оказавшись на платформе, у Руси перехватило дыхание от свежего морозного воздуха. «Градусов двадцать пять, не меньше!». – Тревожно взглянула на ребёнка: не замёрзнет? По перрону вокзала какого-то, видимо областного города, сновали грузчики. А также пассажиры, бывшие и будущие, тепло, по-зимнему одетые, в соответствии своим доходам. Средних лет матроны с достоинством несли на своих плечах дорогие шубы. В поношенных дублёнках восьмидесятых годов, а также пальто неопределённого цвета суетились пожилые мужчины и женщины, держа в руках багаж, уложенный в такие же чемоданы «всех времён и народов». Единственным ярким пятном, вернее, пятнами, радующими глаз, была молодёжь и дети. Одетые в белые, красные, голубые, ярко-зелёные, розовые куртки и пуховики, чему-то радовались: смеялись, или просто улыбались. меховые шапки и шапочки всех стилей и мастей трёх последних десятилетий, влившиеся в людскую волну, самым невероятным образом составляя гармонию, – ступали по обледенелому, присыпанному снегом, перрону и все, как один, были объединены главной целью – не упасть, не поскользнуться.

– Какие поступят предложения? Целых сорок минут в запасе! – Спросил Михаил, держа малыша. Ловко, пружинящей походкой, ступая по насту длинными мускулистыми ногами, обтянутыми джинсами. Ему удавалось при этом одной рукой поддерживать Русю, чтобы та не поскользнулась.

– Интересно, где-нибудь поблизости есть ломбард? – Ни к кому, не обращаясь, глядя вокруг, спросила она. – Михаил недоумённо уставился на неё.

– Послушай, неужели всё так плохо, а, Руся?

– Совсем ничего! Пусто! Вот только, – она показала ему вначале одну руку с часиками, затем вторую. Золотое бело – розовое обручальное кольцо с бриллиантом на тонком безымянном пальце.

– Не понял! Ну, и к чему такие жертвы? Знаешь, Руся, я ни о чём тебя не спрашиваю, но знаю одно: любой из нас может попасть и не в такие неприятности! В общем, я решил – никаких ломбардов!

– Я ничего от тебя не приму, так и знай! – чуть не плача воскликнула Руслана.

– Замечательно! – По-прежнему, веселясь и, чему-то, радуясь, воскликнул Михаил. – Тогда, в долг? Согласна?

– В долг? – Недоверчиво переспросила. – Я ни у кого ничего не одалживала! Никогда!

– Когда-то ведь надо начинать! – снова весело проговорил он. Взглянул ей в лицо. Улыбка пропала. – Не надо так! Когда у тебя всё наладится, вернёшь, договорились?

– Когда это будет! – Иронически заметила. – В долг, значит? Ну, ладно, договорились!

– Отлично!

Пара не торопясь, проследовала дальше.

– Думаю, Руся, все украшения на тебе, это не просто дорогие вещи, ну, в материальном плане, это, скорее всего подарки? Каждая твоя вещь – подарок? И связана с каким-то событием? Ведь так? Я не прав? – Продолжил разговор Михаил, при каждом слове выпуская небольшое облачко пара в морозный воздух.

– Интересно, откуда тебе известно?

– Господи, да всё просто! У моей мамы, например, нет ни одной просто так купленной вещи. Начиная от обручального кольца, естественно, подаренного отцом, ну и так далее. Моё рождение, затем всякие юбилеи: свадьба, дни рождений, защита диссертации...

Она продолжала его слушать. Ей было приятно открывать в нём новые, незнакомые стороны его жизни. Оттого, как тепло и радостно говорил он о своих родителях, было понятно: Михаил очень любит мать, боготворит отца. Когда-то, ещё перед свадьбой, Русе сказала мать:

– Если мужчина уважает и любит свою мать, он никогда не обидит женщину, тем более, не поднимет на неё руку. Глядя на отношения сына и матери можно сразу понять, каким тот будет отцом и мужем!

Руслане и в голову не могло прийти в эту минуту ничего такого: «муж», «отец». Тем более, связать это с тем, что когда-то сказала мама. Связать с Михаилом? Чудовищный бред, да какой! Конечно, нет! Внезапно Руслане стало спокойно и легко от простого, короткого упоминания Михаилом о самых близких ему людях.

Руся незаметно улыбнулась, и они вошли в здание вокзала. Михаил накупил свежих газет, глянцевого журнала, два пакета еды, не забыв при этом о меню маленького Глеба. Вдруг заметил потемневшее лицо Русланы.

– Что с тобой? Что ты увидела, Руся?

– Нет-нет, ничего! – Чуть слышно ответила непослушными губами та и, ничего не объясняя, почти бегом, резко выхватив малыша из рук мужчины, бросилась к выходу. Пожав плечами, Михаил последовал за ней. Руся спешила так, что забыла о скользком перроне, мужчина едва догнал её.

– Да ты с ума сошла! Руслана! Убиться, ведь можно! Скользко! О ребёнке подумала?

– А? Что? – Повернув голову, невидящими глазами уставилась на Михаила. – Ну, что? Что вам всем от меня надо?! – поспешила к вагону.

Он озадаченно пожал плечами.

– Руся! Постой! Ну, постой, же!

Она вдруг резко остановилась. Михаил поставил пакеты прямо на снег. Затем взял ребёнка из её рук. Руся не сопротивлялась, стояла молча, тупо глядя на то, как в следующий миг он подхватил сразу два пакета одной рукой, второй крепко держал её сына. Только сейчас заметила, какие у него красивые, сильные музыкальные пальцы. «Прямо как у пианиста, – отстранённо подумала и тут же вспомнила, – он что-то говорил о медицине. Ах, да! Он же врач! Значит как у хирурга, пальцы хирурга!».

Она шла рядом. К её большому удивлению малыш не плакал. Ей стало неловко за своё поведение, и она произнесла:

– Почти пришли! Спасибо вам! Иди, Глебушка, ко мне! – Ребёнок же, обхватив шею постороннего мужчины, даже не встрепенулся на зов матери, ещё крепче прижал голову к его плечу.

– Глебушка! Задушишь дядю! Ну, иди ко мне, маленький!

Ослабив хватку, ребёнок повернул лицо к мужчине, улыбнулся и произнёс:

– Папа!

– Это не папа, сыночек! Это просто хороший дя..., – не договорив, почему-то осеклась. Руся споткнулась об открытый взгляд Михаила. Взгляд открытый, прямой, – и всё же в нём промелькнула тень. Ей даже почудилось: что-то, вроде враждебности. Или неприязни. Или просто всё это лишь показалось! Она никогда не была самоуверенной, «надутой куклой», как говаривал о её приятельницах бывший муж. Она имела, как многим казалось, в той, оставленной позади уже двое суток, жизни – всё, так уж сложилось. Руслана была из знаменитой профессорской семьи, имела любящего состоятельного мужа со стабильно отлажен-

ным бизнесом, дом в престижном районе пригорода, квартиру в центре города, возможность выезда в желаемую точку мира в любое время года. Но никогда не задирала нос перед бывшими однокашниками, перед теми, кто жил в более скромных условиях, не была, опять же, самоуверенной, самодовольной, хотя прекрасно понимала, в какой среде находится, членом, какого социального слоя является. Была у неё уверенность, где-то там, внутри. Теперь её не стало. Улетучилась за двое суток в грязном, душном вагоне. Она растерялась впервые за много лет. У самых дверей их вагона Михаил улыбнулся малышу и, молча, передал ей ребёнка.

В купе также вошли, не проронив ни слова. Руся не знала, на какое время затянулась бы та неловкая пауза, возникшая между ними на перроне, если бы не картина, представшая их глазам в купе.

Новая пассажирка сидела на нижней полке и плакала, изредка поглаживая голову пьяного в стельку Андрея. Сложив голову ей на плечо, и допивая мутноватую жидкость в стакане, друг Михаила тоже плакал. На столике была разложена нехитрая закуска: огурцы, варёная курица, пирожки. Примерно двухлитровая бутылка или бутыл, – Руся видела это только в кино, – стояла, гордо вытянув «нестандартное» стеклянное горло. Пробка небрежно, даже как-то живописно, валялась тут же, на столе.

– Бедный мальчик, – всхлипывая, причитала женщина, – как жизнь тебя потрепала! А родители... Это же надо, изверги? Отказаться от родного сына, бросить в роддоме!

– Ну? – исподлобья глядя на друга, хмуро спросил Михаил, – что-то я не понял, какой «роддом», «родители-изверги»? Андрей! Что происходит?! – Поставил пакеты на пол. – Опять водка плачет?

– Нет, не водка! – Весело возразил Андрей, слёзы на лице мгновенно высохли. – Самогон! Мишель, попробуй! Как слеза! – Нетвёрдо держа в руке и чуть выплеснув из стакана, в котором недавно оставался недопитый чай, ответил приятель и, осовелыми глазами взглянул на женщину. – Да? Тётя Нин? – Та не ответила и перевела глаза на ребёнка.

– Погулял, маленький, проголодался! – Стала тянуть елейным голосом, затем обратилась к Михаилу. – Не ругался бы ты, не видишь, плохо ему! Сирота, к тому же!

– Это он – сирота?! А ну, сирота, давай-ка, иди, умойся! Сделай одолжение!

– Всё, всё, Мишель, исчезаю! – Вдруг покладисто ответил Андрей и, чуть покачиваясь, вышел из купе.

Руся упорно делала вид, – происходящее её не касается. Переодев ребёнка, накормила. Глеб заснул. Осторожно устроилась у его изголовья, решила отдохнуть сама. Когда снимала шубку, вдруг поймала цепкий взгляд пассажирки. Та с интересом рассматривала её руки, вернее то, что было на них: очень дорогие кольцо и часы – браслет.

– А давайте, перекусим! Вон, сколько еды! – Обратилась она к Михаилу, протягивая руку к бутылке с самогоном. – И тебе, милая, чуть-чуть можно! Поспишь крепко! А? – Подмигнула тётка.

Руся отрицательно покачала головой. Повернулась на правый бок, лицом к малышу, поджала ноги и закрыла глаза.

«Ловко же ты всё придумал, Никита! – Думала она, лёжа с закрытыми глазами, её знобило. – Мне казалось – всё, забыто! Решил искать меня с сыном таким путём? Здорово!» И тут снова, как в страшном, диком сне она увидела своё фото на вокзальной доске объявлений с надписью: «Их разыскивает полиция». «Слава богу, Михаил ничего не увидел! Значит, муж всё же ищет её! Для чего? Никита! Всё ясно, как день! Любовь у него с лучшей подругой, или краткосрочный роман, какая разница! Вандалы! Разрушители! Наверняка хочет отнять сына! Чтобы Алиса, её подруга, стала новой матерью Глебу? Ерунда! Ведь у Алисы тоже семья! Как же это?!». – Задавала себе бесчисленные вопросы в который раз Руслана. В сердце

стало пусто, жёсткие лапы безысходности сжали его, да так, что стало тяжело дышать. Она вскочила, вызвав удивление соседей по купе. Михаил, как ей казалось, что-то читал, лёжа на верхней полке. Она подняла глаза и заглянула туда. Слегка свесив голову, он смотрел вниз. Их взгляды встретились. У неё ещё сильнее забило сердце. Она не отдавала отчёта. Но ждала, нет, ей очень этого хотелось: мужского участия, внимания, защиты. В этот момент она злилась на себя, всё же, – нет! Скорее всего, на своё сомнение: стоит ли рассказать всю правду ему, совсем незнакомому мужчине, о себе, своей жизни. Михаил молча смотрел на неё, будто ждал чего-то.

Тётка, увидав, что Руслана поднялась, тоже привстала на своей полке. Грустно взглянула на неё. Вздыхая:

– Давай, девонька, поешь! – Опять пристала тётка. – Вон, какая худышка, косточки одни! Потому не спится тебе, нервная ты!

Михаил спустился и стал доставать всё из пакетов.

– И, правда, Руся, выпей хотя бы соку! – Предложил. Его простые слова, заботливые интонации как точка отсчёта, – сил больше не было молчать, нести весь этот груз в себе. События недавнего прошлого, окончательно сконцентрировались, будто это было несколько часов назад. Картина отчётливо стояла перед глазами. Всё это сопровождалось тревожным биением сердца, кричало, рвалось наружу. Наконец, приняв решение, Руся с облегчением вздохнула и, не ожидая от себя такой смелости, проигнорировав приглашение тётки, произнесла:

– Михаил! Выйдем в коридор? Здесь очень душно! Не отвечая, он открыл перед ней дверь купе, и они вышли. Взявшись за оконные перила, глядя на повеселевшие от яркого солнца, пейзажи, она, не повернув к нему головы, тихо заговорила. Это был рассказ о ней самой.

Глава 3

Сверкающие блики закатного южного солнца всё ещё играли на самых кончиках гребней морских волн, но уже не слепили глаза, они рассосредоточились, стали реже и чуть погасли. Отдыхающих оставалось всё меньше и меньше. Когда солнце почти спряталось за далёким горизонтом, топчаны окончательно опустели. Отец и мать Русланы, тоже собираясь уходить с пляжа, обнявшись, смотрели на золотисто-розовый закат, одновременно дожидаясь, когда, наконец, соберёт свои вещи их младшая дочь.

Старшего сына и брата уж давно и след простыл, – успел познакомиться с симпатичной девушкой, тоже студенткой биохимического факультета, только из другого города. Родители доверяли здравомыслию брата и особенно не беспокоились за него. А вот Руся их немного тревожила. И опять, как назло, когда девушка, переодевшись, вышла из кабинки, вдоль берега, по самой кромке морской пены, брёл тот самый парень, с которого она не сводила восхищённых глаз ещё с первого дня их приезда. Брат тогда, проследив за её взглядом, стал подтрунивать:

– Ну, Руся! А он – ничего! У тебя, сестрёнка, хороший вкус, поздравляю! Жаль только соперниц у тебя – полпляжа! – При этом многозначительно повертел головой, указывая ей на округлые формы взрослых загорелых девиц в откровенных купальниках. – Маленькая ты ещё! Ну, да ладно, не переживай, вот вырастишь...

– Да ну тебя, – надулась Руся, – во-первых, уже не маленькая, во-вторых, не приплетай мне то, чего нет и вообще...

– «И вообще», Руся, это первая любовь! Вот как это называется! – И тут девушка не выдержала и бросила в смеющееся лицо брата горсть песка.

– Говорю же, дурочка ты ещё! – Выкрикнул брат, энергично отряхивая песок, затем вскочил и рванул к воде.

Юноша шёл так же, как тогда, ни на кого не глядя, опустив голову, о чём-то думал, в руках держал книгу. Руслана замерла.

– Руся! Ну, ты как, собираешься уходить, или остаёшься здесь ночевать?

Юноша повернул голову в сторону голоса. Затем увидел застывшую фигурку девушки. Кивнул, улыбаясь:

– Привет! Я – Никита!

– Руся, – зардевшись, ответила та. Почему-то опустила голову и вдруг, не ожидая от себя такой смелости, спросила:

– Что читаешь?

– А! – Небрежно ответил Никита. – Девчонкам это не интересно!

– Девчонки, – взглянув ему прямо в лицо своими огромными глазами, окаймлёнными длинными ресницами, и, осмелев ещё больше, – знаешь ли, бывают разные, – заявила она.

Никита уже с интересом посмотрел на неё. Родители молча наблюдали за их диалогом. Вдруг отец внезапно предложил:

– Молодые люди! Не хотели бы продолжить знакомство за мороженым в хорошем кафе? Вижу, вам есть о чём поговорить! Приятную беседу можно продолжить именно там, я угощаю!

Спустя годы, вспоминая этот день, а вернее вечер, Руслана была жутко благодарна отцу за то его предложение.

– Спасибо! Я мигом, только переоденусь! – радостно воскликнул Никита и бросился бежать в обратном направлении. – Мы ждём тебя там! – Крикнул ему вслед отец, показывая рукой в сторону красно – белого тента, где располагалось кафе. Папа заказал для всех лёгкую

закуску, мороженое, для себя и мамы – красное вино. Никита и Руслана ели мороженое, не умолкая ни на минуту, болтали о кино, музыке, но главной темой, были книги.

Оба, как выяснилось, много читали, – это было их самым любимым занятием. Обмениваясь фразами и цитатами из любимых кинофильмов и книг, громко смеялись. Или, хитро прищурившись, разыгрывали в лицах какие-то сценки. Отец Русланы, к своему удивлению, даже к стыду, только сейчас обнаружил, какая приятная собеседница и довольно умная «девица» его дочь. Взрослая дочь. Заботливый, проницательный отец – известный учёный, профессор сразу понял, – кем для его девочки, в одночасье, стал этот симпатичный, как ему показалось сразу, воспитанный юноша. Глядя в сияющее лицо, слушая возбуждённый, словно колокольчик, звонкий голос Русланы, – отец и мать окончательно поняли: закончилось, ушло в небытие, навсегда, отрочество их маленькой дочки.

Отец снова прислушался к диалогу молодых людей. – Ты знаешь, – чуть слышно, глядя в глаза юноши, говорила Руся, – мне очень нравятся английские классики, хотя больше человечности, искренности я нахожу в романах американских писателей...

– В принципе, ты где-то права, – начал Никита, и пристальнее, чем следовало, как показалось отцу, стал рассматривать лицо его дочери. – Современные «англичане», считаю, тоже – ничего...

Затем, отвёл взгляд от лица девушки. При этом выразительно обвёл глазами людей за другими столиками, произнёс: – Не то, что многие «наши». Действующие лица всех «наших» современных писателей либо наркодельцы, проститутки, или бывшие кагебешники, использующие полученные когда-то знания и опыт в борьбе для устранения конкурентов, либо девицы-студентки, приехавшие покорять Москву...

– ... Либо толстосумы, продающие навороченное современное оружие, испытанное где-то на Марсе, по описанию – в горах Средней Азии...

– Да – а! – Воскликнул отец Русланы. – Вы, Никита, да и ты, дочка, как я посмотрю, очень сурово относитесь к качеству современной «нашей» литературе! – На слове «нашей» Юрий Петрович сделал ударение. – Иметь собственное мнение, конечно, это замечательно, но не забывайте, в какое время мы живём! – Вздохнув, добавил. – Ведь всё это можно и не читать! Не верю, что в нашей стране нет замечательных современных писателей! – Взглянув на молодых людей, добавил. – Бизнес! Мои дорогие друзья! Если какая-то, даже глупая, на ваш взгляд, книга, продаётся хорошо, это выгодно издателю! На разницу, полученную от тиража «глупой» литературы можно, наверняка, напечатать что-то стоящее! А издатель...

– Понимаю! – воскликнула Руслана

– «У них тоже жёны есть!» – Затем, одновременно процитировали диалог из какой-то комедии Руслана и Никита. Рассмеялись.

Никита рассказал о себе. Совсем немного. Семье профессора стало известно следующее. Чтобы приехать отдохнуть сюда, на море вместе с матерью Никита полгода, после уроков в школе подрабатывал в нескольких местах. Клеил объявления, разносил почту, выгуливал чужих собак. Даже продавал цветы и мыл автомобили. А здесь, находясь «на отдыхе» у моря, невероятным образом, будучи несовершеннолетним, устроился помощником спасателя на одном из пляжей. У спасателей, как таковых работы совсем немного, поэтому убирал мусор, разносил топчаны, выполнял разную другую работу. Слушая Никиту, Руслана лишь растерянно смотрела то на отца, то на мать. Лицо отца, вдруг, стало очень серьёзным, он с уважением похлопал юношу по плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.